

Волков А.Г.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ СУБЪЕКТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения влияния дискурса на положение дел и субъекта. Для этого следует выявить основные механизмы оказания воздействия на сознание в рамках дискурсивной практики. Предполагается различать дискурс, являющегося средством идентификации субъекта и инструментом внешнего влияния.

Постановка проблемы. В данном исследовании основной проблемой выделяется выявление своеобразия выражения сущности субъекта, которое зависит от позиции субъекта относительно дискурса. Следует рассмотреть особенность использования дискурса, в случае, если он является средством идентификации субъекта относительно самого себя и иного субъекта, или оказания влияния.

Степень разработанности проблемы. Одно из основных направлений в исследовании дискурса – это этический аспект. Этизация дискурса Ю Хабермасом, К.-О. Апелем стала причиной того, что значительный регион дискурсивной практики не отвечающий позитивным императивам остается вне внимания исследователей [4, 12]. Другое направление исследования, связанное с работами М. Фуко, рассматривает дискурс либо как проявление воли к знанию (истине), либо как способ реализации властных отношений. При этом дискурс оказывается сферой доминирующего влияния, что приводит к «смерти субъекта» [3, 7, 11]. Именно это направление в исследовании дискурса послужило причиной активизации внимания исследователей к его отдельным свойствам [8, 13].

Цель исследования состоит в изучении проявлений субъекта в дискурсе и возможностей его использования для идентификации и оказания влияния.

Поэтому предполагается решить такие *задачи* как установление основных способов отношений субъекта и дискурса, особенность идентификации субъекта в политическом дискурсе, роль имманентных и трансцендентных факторов в дискурсивной практике.

Новизна исследования в том, что существование субъекта рассматривается через характеристику его участия в дискурсе как среды существования.

Явление сущности политического субъекта в дискурсе будем рассматривать как презентацию субъекта в дискурсе. Репрезентативность, то есть представительство субъекта в дискурсе, характеризует соответствие смыслов, которые содержатся в сознании и их воплощении в дискурсе, и выявляет степень этого соответствия и его характер. Репрезентативность дискурса может быть различной, и в самом общем плане зависит от отношения субъекта и дискурса как совокупности высказываний.

Выделим основные отношения субъекта и дискурса. Во-первых, отношение, в котором дискурс презентует субъекта в его непосредственности, но при этом принадлежит только его сознанию и не выносится в сферу коммуникации. В имманентности сознания субъект созерцает себя, следовательно, можно выделить состояние субъекта-в-себе, созерцающего свою сущность. В этом состоянии он рассматривает себя изнутри, одновременно, проговаривая сущность для самого себя. Субъект провозглашает себя только для самого себя. Это будет отношение тождественности субъекта с самим собой. Именно в дискурсе субъекта-в-себе происходит порождение субъекта как единства и целостности.

Во-вторых, отношение, когда субъект презентует себя в дискурсе, а его содержание является способом идентификации. В этом отношении субъект вписывает себя в действительность и видит себя со стороны, поэтому способен на критическое осмысление своего опыта, поскольку в состоянии сравнивать различные свои проявления. Это – субъект-для-себя, такой субъект выражает себя в дискурсе, одновременно, не теряя связи со своей имманентностью.

В-третьих, отношение субъекта и дискурса, когда дискурс полностью заменяет субъекта, и только посредством участия в дискурсе можно понять его сущность. В этом случае субъект видит себя только со стороны дискурса как поверхности, и тогда появляется возможность скрыть свою сущность. Это – субъект-вне-себя, который в состоянии осознать себя только посредством обращения к дискурсу.

1. Дискурс субъекта-в-себе

Явление политического субъекта в дискурсе зависит от особенностей отношения к самому себе и дискурсу. Субъект может презентовать в дискурсе самого себя в своей непосредственности. Это будет дискурс уединенности, который недоступен для других, поскольку высказывания проговариваются в виде внутренней речи. Этот разговор фактически никто не слышит, но это не значит, что субъект не артикулирует смыслы существования. Фактически это будет дискурс саморефлексии, в которой субъект осмысливает свое бытие. Это – дискурс имманентности, значительная часть содержания которого тщательно скрывается и сознательно замалчивается. Именно в таком дискурсе происходит установление сущности субъекта, то есть принятие в качестве смыслов существования добродетелей, либо отрицательных моральных качеств как норм и правил осуществления. Они реализуются как императивы, то есть требования, которые исполняются в любом случае. И. Кант следующим образом характеризует роль императива в практической философии: «Каждое объективно практическое правило выражено в императиве, а субъективное – не выражено; например, старики обычно говорят: хотя это и так, но этого не должно быть», – и далее: «Таким образом, имеется тройной императив: императив умения, императив благоразумия и нравственности. Каждый императив выражает долженствование, а значит объективную необходимость, а именно, необходимость свободного и благого произволения, так как это относится к императиву и объективно необходимо» [9, с.567]. По И. Канту императив – это объективная необходимость благого и свободного. Расширим понятие императива на

неблагое и несвободное воление, и будем считать им каждое требование, где абсолютизируются смыслы, которые в результате становятся основой существования субъекта. Очевидно, что императивы – это собственность сознания субъекта, который держится за них, поскольку именно они и есть воплощение его сущности. Таким образом, императивы имеют свое происхождение в сущности субъекта. Именно сущность определяет их содержание, соответственно, меру свободы и благого. Сфера формирования императивов – глубинная сфера сознания, в которой удерживается сущность как совокупность смыслов существования. Императив является сферой необходимости для субъекта, и именно поэтому определяет его существование. Последние утверждение нельзя рассматривать отрицанием основных положений этики И. Канта, поскольку трансцендентальность морали реализуется в имманентности субъективного, иначе она – только обозначение предназначения субъекта и не более того.

Таким образом, субъект-в-себе имеет дискурс подлинности. Иначе этот дискурс, если он основывается на позитивном, получил название голоса совести. Или, как назвал его Сократ, «внутренний голос», который проговаривает подлинное и истинное. Позднее, в средневековой философии, он стал пониматься как голос Бога, который предполагал полный отказ от своей воли. Но этот отказ представляет собой только шаг к Единому [1]. В политической практике внутренний разговор в субъекта-в-себе – это разговор с самим собой, выпрашивание о потребностях и возможности самореализации. Это обращение к самому себе в уединенности и чистоте подлинности самого себя. Субъект-в-себе утверждает себя как существующего, и тем самым провозглашает свою подлинность. Этот дискурс – удостоверение своей самости, удержания за самого себя. И это необходимо, поскольку как только субъект отказывается от самого себя, как только он сам для себя не представляет ценности, он забывает самого себя и забвение носит не положительный, а негативный смысл. Поэтому следует помнить, что трагедия субъекта состоит не в том, что, например, он потерпел в чем-то поражение. Поражение можно преодолеть, также как преодолевают препятствие. Трагедия наступает тогда, когда он отказывается от себя, то есть от своей подлинности и подчиняется иному субъекту. Тем самым он попадает в сферу чистой негации, то есть тотального отрицания самого себя.

Субъект в себе не презентуется на поверхности дискурса. Он задан в глубине сознания как выражение, или как то, что стремится выразиться, но может так и не стать явным. Субъект-в-себе сохраняет в сознании многообразие смыслов существования, которые позволяют ему идентифицировать себя. Субъект-в-себе – это осознание Мы как целостности и нераздельности. Мы в данном случае – это видением субъектом самого себя как целое и сопричастного смыслу существования, который признается за то, что образует сущность субъекта. Субъект-в-себе хранит себя как подлинность и то, что рассматривается изнутри. Таким образом, дискурс субъекта-в-себе – это не дискурс поверхности, а глубины, которая скрыта от постороннего, является для него тайной. То, что видится изнутри – это и есть собственно сущность субъекта, которая переживается и признается как последняя подлинность. Субъект-в-себе хранить себя именно в этом дискурсе глубины, которая недоступна иному субъекту, и именно недоступность позволяет себя сохранять и оберегать как уникальное и неповторимое. Поэтому дискурс субъекта-в-себе в значительной своей части может и не иметь внешнего выражения, но его значение субъекта трудно переоценить.

Можно было бы предположить, что осознание субъекта-в-себе – это сфера подсознательного. Однако в отношении политического субъекта такое предположение будет не совсем справедливо, поскольку сознание субъекта-в-себе – это результат осмысления субъекта как самого себя и удержание этой осмысленности в глубине сознания. Таким образом, дискурс субъекта-в-себе представляет собой проговаривание самого себя и событийности, которая с ним происходит. Другими словами, субъект конструирует самого себя в сознании, то есть устанавливает свою подлинность и реальность, которая соответствует этой подлинности.

Возникновение и реализацию сознания субъекта-в-себе может объяснить теория радикального конструктивизма Э. фон Глазенфельда. Выделим ее основное положение: «Исходным следует считать представление о том, что познание (и знание) не может рассматриваться в качестве некоего конденсата, образуемого при пассивном восприятии, а является результатом активности субъекта» [5, с.73]. На наш взгляд, прежде чем появиться возможность для конструирования реальности, субъект должен сконструировать самого себя – это и будет субъект-в-себе. Конструирование субъекта-в-себе происходит в рамках имманентного дискурса, в котором предметом выступает сам субъект. Оно происходит в процессе обращения к своему опыту, то есть в воспоминании, того, каким образом происходила реализация субъекта. Можно утверждать, что субъект-в-себе утверждает себя в акте саморефлексии, где рефлексия – это обращение к самому себе, а имманентный дискурс принадлежит сознанию самого субъекта и не выходит за его границы. В этом дискурсе субъект-в-себе говорит о самом себе как о присутствующем в мире, но только для себя, и заявляет о подлинности самого себя, опять же, только для себя. Приведем, в качестве примера, такие высказывания, которые могут принадлежать рассматриваемому дискурсу: «Почему в этой ситуации было принято такое решение, ведь в аналогичных решения были совершенно иными?», – или, – «Наш человек достоин лучшего» и проч.

Из приведенных высказываний становится понятным, что в конструировании субъекта присутствует аксиологическая составляющая. Действительно, вне аксиологии невозможно установить подлинность субъекта, и поэтому с помощью оценки субъект определяет и себя и свою позицию, то есть положение в мире, которое не раскрывается и не конкретизируется. В данном случае ценностью выступает субъект сам для себя, а не особая сфера, о которой говорит Э. Кассирер в своих исследованиях [10]. Оценка в этом случае выступает основным средством конструирования самого себя. Отметим, что оценка может быть самой различной и иметь градации: от предельно негативной до максимально позитивной. Относительно качественного своеобразия и состояния субъекта она оказывает различное влияние; так в одних случаях негативная оценка, если субъект имеет опыт критического отношения к себе, способствует преодолению несовершенств

ва; в других случаях становится причиной противостояния и агрессии.

Для Э. фон Глазенфельда не существует наличие субъекта-в-себе, поэтому остается невыясненным источник активности, поэтому непонятно, от чего зависит конструирование реальности. Итак, субъект-в-себе обладает способностью продуцировать события, поскольку имеет в сознании представление о самом себе. Конструирование реальности субъектом происходит после того, как субъект сконструировал самого себя, а реальность становится тем, что определено в сознании субъекта. Однако субъект принадлежит действительности, а не является автономным. Таким образом, субъект сам подлежит конструированию уже со стороны трансцендентной действительности, того, что присутствует как данность, которую Э. Гуссерль обозначил как предметность [6]. Субъект конструируется в сознании, однако не в состоянии полностью подчинить себе действительность, которая также способна оказывать на него влияние. Однако мера подчинения реальности зависит от степени доминирования субъекта по отношению к иным субъектам, поскольку их осуществление в совокупности и есть действительность.

Воссоздание субъекта-в-себе возможно только в рамках имманентного переживания, которое еще не получает своей фиксации на поверхности дискурса. Оно возможно только в глубине и потаенности, когда субъект остается наедине с самим собой. Именно конструирование в глубине сознания является предпосылкой того, что субъект становится недостижимым для внешнего разрушительного воздействия извне, со стороны дискурса иного субъекта, который стремится упрочить, таким образом, свое положение в мире.

Итак, имманентный дискурс включает в себя операцию артикуляции смысла внутри сознания. Этот внутренний дискурс отличается высоким уровнем репрезентативности, поскольку субъект проговаривает для себя смыслы, которые он реализует впоследствии. Этот внутренний дискурс – единственный способ распознавания самого себя. Однако проверить извне его репрезентативность извне фактически невозможно, поскольку он не предполагает выражения, в том числе и текстуального. Внутренний дискурс является собственностью сознания субъекта, и значительная часть его высказываний так и не имеет презентации во вне. Именно здесь субъект может быть предельно откровенным и не скрывать свои мысли. Можно утверждать, что имманентный дискурс наиболее полно содержит в себе сущность субъекта, и в этом аспекте репрезентативность достигает максимума. Однако этот дискурс не обладает структурированностью в полной мере, поскольку выражаемое может быть упорядочено только тогда, когда обретает автономность, в то же время, уровень структурированности этого дискурса зависит от степени рациональности мышления субъекта.

2. Дискурс субъекта-для-себя

Если в дискурсе субъекта-в-себе субъект переживает сам себя внутри, и это будет подлинное общение в глубине себя, то субъект-для-себя посредством дискурса выносит содержание сознания на поверхность, следовательно, дискурс является презентацией субъекта. Дискурс субъекта-для-себя – это манифестация субъекта как присутствующего в мире. Основная цель этого дискурса не только в том, что субъект устанавливает свою подлинность и ценность, но в том, что он сам себя утверждает, и, одновременно, заявляет про свое присутствие в мире. Здесь манифестация субъекта состоит в провозглашении границ и независимости самого себя. Это манифестация неприкосновенности. В отличие от субъекта-в-себе, субъект-для-себя уже предполагает трансцендентность себя, то есть выражает себя в манифестации, провозглашает свою значимость по отношению к иному субъекту. Приведем несколько высказываний из такого дискурса: «Мы достигли высоких результатов!», «Мы победим в этой неравной борьбе!»

Дискурс субъекта-для-себя предполагает наличие иного субъекта, и включает в себя выражение определенного отношения к нему, а не только к самому себе. Но иной еще не становится целью в этом дискурсе, он только выступает точкой отсчета и сравнения. Субъект теперь созерцает себя уже не только в имманентности, а, одновременно, и трансцендентности, поскольку может видеть себя со стороны и наблюдать. Такая манифестация является основанием для установления своей позиции, следовательно, иерархии субъектов, в результате субъект осознает свое положение в мире. В этот дискурс также входит оценивание, но оценивание не только относительно самого себя, а относительно иных субъектов. Такая манифестация заключает в себе потребность в возвышении самого себя, или, наоборот, унижения относительно иных субъектов.

В качестве примера последнего варианта такого дискурса может служить дискурсивная практика средневековья, где человек провозглашал себя недостойным Бога, поэтому полностью отказывался от самого себя и подчинялся воле Бога, пытаясь ее распознать через символы или откровение. В политической практике дискурс субъекта-для-себя может выражаться в манифестации превосходства, а примером может служить провозглашение доминирования США в решении международных проблем [2]. В таком дискурсе признается абсолютное совершенство более сильного политического субъекта, что предполагает подчинение тем требованиям, которые исходят с его стороны. Подчеркнем, что данная манифестация направлена на самого себя, поэтому она может привести к возникновению императива, который имеет имманентный характер, однако получающий выражение в трансцендентном дискурсе. Однако требование, так или иначе, предьявляется субъектом только к самому себе, и а его исполнение зависит от сложившихся обстоятельств.

Субъект-для-себя выговаривается в дискурсе, поскольку стремится идентифицировать себя по отношению к иным субъектам. То есть, если идентификация (identifico – отождествляю) субъекта-в-себе носила имманентный, то теперь она приобретает и трансцендентальный характер, поскольку в таком дискурсе субъект видит себя со стороны, он наблюдает и оценивает себя как бы со стороны иных субъектов и находит свое место в их иерархии. Идентификация предполагает выведение себя из имманентности и транспонирование в трансцендентность. В качестве ориентации в идентификации выступает иной субъект, воображаемый или реальный. Здесь конструирование приобретает радикальный характер, поскольку субъект видит себя с различных точек зрения и позиций, что является источником его активности. Это находит выра-

жение в таких высказываниях: «Почему с нами никто не хочет считаться?», «Мы – великая нация и требует к себе уважения!» В период социализма идентификация такого политического субъекта как СССР осуществлялась с помощью таких высказываний: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!», «Здесь будет город-сад!» Таким образом, своеобразие дискурса субъекта-для-себя показывает особенность потенции субъекта в конструировании реальности.

Наличие этой потенции и определяет результативность конструирования реальности, и чем она выше, тем больше шансов, что полагаемое в сознание воплотится в реальность. Данное положение вполне согласуется с теорией радикального конструирования Э. Глазенфельда. Однако при этом следует иметь в виду, что результативность конструирования зависит не толь от потенции, которой обладает субъект, но и от особенностей идентификации. Если субъект идентифицирует себя в рамках дискурса как зависимый, то его роль в конструировании реальности будет весьма ограниченной, какие бы декларации он не провозглашал. Наоборот, если субъект идентифицирует себя как свободный, его возможности будут более широкими, какими бы не были условия действительности, и как бы ни оценивался он со стороны.

Другая важная предпосылка продуктивности эффективности конструирования реальности – это степень координации индивидуальностей в пределах дискурса и следовании разуму, то есть, выполнение максим Ю. Хабермаса [4]. Идентификация тем самым не будет продуктивной, если в ней доминирует манифестация различия или превосходства. В этом случае возникают напряженные отношения между индивидуальностями в пределах субъекта или между субъектами, что воплощается в возникновении диссонансного дискурса, который, в свою очередь провоцирует возрастание недоверия, следовательно, отсутствие согласованных действий. Провозглашение превосходства и различия приводит к тому, что субъект дестабилизируется изнутри; обостряется несогласованность в конструировании реальности, что приводит к разрушению субъекта как целого. Отдельный случай деструктивной манифестации – это провозглашение тотального превосходства. В этом случае выделяется необходимость подавления и разрушения иных субъектов, но тем самым, возникает угроза существования для самого себя с их стороны, поскольку их защитой и будет разрушение субъекта превосходства.

Следует отметить особенность презентации сущности субъекта-для-себя в дискурсе, которая отличается тем, что субъект и дискурс находятся в отношении относительной автономии по отношению к самому себе посредством наблюдения себя в выраженном. Такой дискурс является как бы зеркалом субъекта, в котором субъект видит свой облик. Основная проблема этого дискурса – полнота и точность выражения смысла, его экспликация, а основное требование состоит в том, чтобы дискурс должен быть репрезентативным, то есть в наибольшей мере соответствовать сущности субъекта. Однако репрезентативность имеет и свои границы, поскольку субъект по политическим причинам может сознательно скрывать некоторые смыслы, и тем самым выборочно относится к их репрезентации. Он презентует только такие смыслы, которые наиболее актуальны в данной ситуации. Это связано с тем, что этот этап презентации уже является манифестацией субъекта, которая имеет цель отставания самого себя. Субъект провозглашает свое присутствие и отстает себя как главную ценность.

Особенность данной презентации субъекта в дискурсе состоит в том, что именно в ее рамках происходит институционализация. Посредством дискурса субъект оформляет себя как совокупность институтов, а их наличие – результат конвенций, то есть соглашений по формализации отношений. В процессе институционализации устанавливаются правила игры, имеющие императивный характер. Институциональный дискурс представляет собой совокупность высказываний, которые обладают принудительной силой и регламентируют существование субъекта, однако это не означает, что субъект не в состоянии изменить его содержание. В данном случае репрезентативность смыслов существования имеет особое значение, поскольку от того, насколько точно они эксплицированы в высказывании, зависит осуществление субъекта. Поэтому дискурс и субъект находятся в диалогических отношениях, и в связи с изменением положения дел содержание дискурса постоянно обновляется.

3. Дискурс субъекта-вне-себя

Субъект-вне-себя предполагает доминирование дискурса как поверхности, которая отдалается от субъекта, и, одновременно, расширяет его границы. Такой дискурс не только предполагает выведение субъекта из неизвестности, но и утверждение субъекта по отношению к иному субъекту. Субъект-вне-себя пытается заполнить собой весь мир и в этом видит свое величие. Это дискурс репрезентации самого себя и, тем самым, возведение на определенную высоту по отношению к иным субъектам. С помощью трансцендентного дискурса субъект показывает себя, но при этом подлинность субъекта оказывается в недоступной глубине, а сам дискурс образует поверхность смыслов, которые приписывает сам себе. В трансцендентном дискурсе, как поверхности, возможно все, в том числе любое превращение. Здесь субъект может не быть собой, забыть свою сущность, более того, мистифицировать себя, выдавая себя за иного, того, которого не существует на самом деле. Таким образом, дискурс субъекта-вне-себя – это занавес, назначение которого состоит в сокрытии сущности субъекта, что позволяет, презентовать себя в таком виде, который требуется в данной ситуации, что обусловлено потребностями защитить субъекта как самого себя. Быть вне себя означает показывать себя с необходимой в данный момент стороны, которая обусловлена необходимостью утверждения самого себя по отношению к иному субъекту. Итак, только в трансцендентном дискурсе субъект в состоянии отстоять себя. Интерсубъективность в данном случае – это не только многообразие и единство субъективности, а сфера противостояния и взаимодополняемости субъектов. Интерсубъективность погружает субъекта в себя, в то же время в ней он предстает как индивидуальность. Для отдельного субъекта интерсубъективность, одновременно, предстает извне, поскольку именно со стороны интерсубъективности субъект может видеть самого себя как присутствующего в мире. Проявление политического субъекта про-

исходит в дискурсе субъекта-для-себя, когда он возвещает наличие самого себя, тем самым устанавливает себя как присутствующего и существующего в действительности. Тем самым политический субъект провозглашает себя не только относительно самого себя. Это есть сфера внутренней политики как способ конструирования самого себя вовне. В дискурсе-вне-себя субъект реализуется как внешность, следовательно – это сфера внешней политики. Манифестация субъекта-вне-себя – это провозглашение себя во вне, следовательно, конструирование иных субъектов. Оно может быть интервенцией, то есть оказанием влияния, позитивного или негативного, а также подверженностью влиянию извне. Соответственно манифестация может привести как к разрастанию, усилению мощи, так и ослаблению или даже разрушению субъекта. Чаще всего субъект, и это естественно, стремится утвердить свое положение с помощью манифестации, упрочить свое влияние. Поэтому субъект-вне-себя создает положительный образ самого себя. Дискурс субъекта-вне-себя изначально диалогичен и полилогичен, поскольку предполагает ответ со стороны иного субъекта. Манифестация в данном случае – это ответ на реплику или положение дел, соответственно, признание или непризнание иного субъекта. Но монологическое начало в дискурсе субъекта-вне-себя также присутствует, поскольку субъект позиционирует себя. Это позиционирование должно иметь позитивную окраску, поскольку только манифестация совершенства может стать основанием для признания субъекта со стороны.

Дискурс субъекта-вне-себя – это сфера установления отношений с иными субъектами. Поэтому такой дискурс, в зависимости от характера отношений, следует разделить на дискурсы господства, зависимости и равенства, противостояния и протеста. Дискурсы господства и зависимости связаны друг с другом, поскольку господство невозможно вне зависимости, то есть признания легитимным власти, и наоборот. Дискурс зависимости возникает тогда, когда одному из субъектов удалось подчинить другого самыми различными средствами, в том числе и дискурсивными. В то же время, данные дискурсы могут быть и вполне автономными, поскольку они обусловлены состоянием сознания субъекта. Дискурс зависимости может возникать как реакция на доминирование иного субъекта, который очень активно навязывает свою волю. То есть, его возникновение обусловлено внешними обстоятельствами и необходимостью сохранить свою целостность. Дискурс превосходства, как правило, обуславливается наличием значительных ресурсов и телесности субъекта, а его назначению состоит в подчинении иных субъектов. Такой дискурс образует сферу влияния посредством принуждения к принятию определенных решений. Выделим основные составляющие дискурса господства. Во-первых, манифестация своего совершенства. В таком дискурсе субъект предстает как образец совершенства, то есть возникают предпосылки для поклонения ему со стороны иных субъектов. Именно поэтому в дискурсе господства замалчиваются противоречия, которые присутствуют в субъекте и его недостатки. В результате создается идеализированный образ субъекта господства. Этот образ поддерживается в сознании иных субъектов с помощью коммуникативной интервенции. Во-вторых, господствующий субъект поддерживает свой позитивный образ посредством выведения негативных впечатлений, которые возникают в результате осознания последствий его агрессивного поведения, тем более что иначе себя он и не может проявить. В-третьих, для того чтобы оправдать свои деструктивные действия, создается образ врага, наличием которого и оправдываются аморальные действия субъекта господства.

Возможно такое отношение дискурса и субъекта, когда трансцендентный дискурс почти полностью подчиняет себе субъекта. Субъект теряет независимость и говорит только то, что дано в дискурсе, – в реальной дискурсивной практике такая зависимость вполне возможна. Презентация субъекта в дискурсе может быть как позитивной, так и негативной. В первом случае сущность субъекта и содержание дискурса совпадают, то есть можно утверждать о наличии их тождественности, что будет собственно свободой, поскольку дискурс реализует горизонт возможностей субъекта. Негативная репрезентация возникает тогда, когда дискурс не презентует сущность субъекта. Это возможно в случае, если презентация носит случайный характер и субъекту не дается достигнуть полноты презентации себя в дискурсе. В результате возникают диссонансные отношения между субъектом и дискурсом.

Дискурс подчинения, как правило, возникает по причине слабости субъекта. Это вынужденное подчинение происходит на основании симулякра, который может использоваться в целях введения в заблуждение господствующего субъекта. С его помощью происходит сокрытие своих подлинных намерений. Поэтому субъект при создании благоприятной ситуации отказывается от дискурса подчинения, а на смену ему приходит дискурс противостояния. Дискурс противостояния следует отличать от дискурса протеста, который возникает в результате доминирования потребности уничтожить иного субъекта, поэтому последний имеет очень много с дискурсом господства, поскольку его основная цель и есть обретение господства. Их различие, при наличии общей цели, в том, что в дискурсе протеста не может быть главным созданием собственного позитивного образа, поскольку основная потребность – создание негативного образа иного субъекта. В дискурсе протеста редуцируется все позитивное и создается образ субъекта как воплощения зла. Недостатком дискурса протеста выступает то, что тотальная негация имеет рефлексивный характер, и поэтому разрушает субъекта протеста. Агрессия, которая направляется на оппонента, не имеет строгого вектора, и поэтому распространяется на самого субъекта как отправителя. Таким образом, агрессивный субъект рано или поздно саморазрушается. И, наконец, возможен дискурс равенства, назначение которого состоит в установлении партнерских отношений. Дискурс равенства предполагает признание оппонента равноправным партнером и его ценности как участника общего дела. Он получает распространение при установлении дипломатических отношений, переговорах, в ситуации, когда необходимо достигнуть консенсуса и предполагает доверие к оппоненту и его признание как автономного и независимого.

На основании выше изложено можно сделать следующие *выводы*:

1. Следует выделить основные отношения субъекта и дискурса, а именно отношение тождественности в дискурсе субъекта-в-себе; идентификации субъекта в дискурсе субъекта-для-себя; влияния на иного субъекта в дискурсе субъекта-вне-себя.
2. Дискурс субъекта-в-себе предназначен для установления сущности, то есть формирования смыслов существования. Именно он способствует возникновению основных императивов и провозглашению самого себя.
3. Сфера дискурса субъекта-в-себе или имманентного дискурса является местом возникновения субъекта как целостной совокупности индивидуальностей, подлинные смыслы существования которого в значительной степени скрыты от внешнего наблюдателя. Именно в данной сфере находятся истоки конструирования реальности как способа проявления сущности субъекта.
4. Основная проблема субъекта состоит в том, что в дискурсе субъекта-в-себе он отказывается от самого себя и подчиняется иному субъекту, что становится возможным посредством принятия определенных оценок.
5. Субъект-для-себя посредством дискурса выносит содержание сознания на поверхность – это является презентацией и манифестацией субъекта как присутствующего в мире, претендующего на условия, в которых он может реализовать самого себя. Этот дискурс предполагает ориентацию на иного субъекта, тем самым, возникновения субъективной иерархии в дискурсивной практике.
6. В дискурсе субъекта-для-себя идентификация приобретает трансцендентальный характер, а ее своеобразие определяет возможности для конструирования реальности. Одним из важных условий продуктивности конструирования следует признать наличие согласованности между индивидуальностями. Такой дискурс является сферой интитуциализации смыслов существования в соответствии с сущностью политического субъекта.
7. Субъект-вне-себя предполагает доминирование дискурса как поверхности и предполагает утверждение субъекта по отношению к иному субъекту. Это дискурс репрезентации самого себя, то есть выведения себя в трансцендентность. Только в трансцендентном дискурсе субъект в состоянии отстоять себя как присутствующего в мире. Манифестация субъекта-вне-себя – это провозглашение себя во вне, следовательно, будет, одновременно, конструированием иных субъектов.

Источники и литература

1. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
2. Бжезінський З. Демократія перед лицем глобалізації // І. – №19. – С. 42–53.
3. Визгин В.П. Мишель Фуко – теоретик цивилизации знания // Вопросы философии. – 1995. – № 4. – С.116-126.
4. Габермас Ю. Єдність розуму в розмаїтті його голосів // Єрмоленко А.М. Комунікативна практична філософія: Підручник. – К. Лібра, 1999. – С.255-286 С.
5. Глазерсфельд Э. фон. Введение в радикальный конструктивизм // Вестник Московского университета. – Серия 7. – 2001. – №4. – С.59–81.
6. Гуссерль Э. Картезианские размышления // www.elenakosilova.narod.ru/studia/Husserl/htm
7. Десяева І.П. Методологія соціально-політичного аналізу Мішеля Фуко // Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченко. – 2003. – №59–61. – С.18.
8. Донец І.В. природа людської суб'єктивності в дискурсі комунікативної парадигми // Філософська думка. – 2005. – №6. – С.25-34.
9. Кант И. Лекции по этике // Гусейнов А.А., Иррилиц Г. Краткая история этики. – М.: Мысль, 1987. – С.565-578.
10. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – 784 с.
11. Куліна О.С. Хабермас і Фуко: консенсус чи конфлікт? // Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченко. – 2004. – №66–67. – с.53.
12. Рокмор Т. К критике этического дискурса // Вопросы философии. – 1995. – №1. – С.53–67.
13. Чугуєнко В.М. Дискурс як субстанція демократизації та гуманізації суспільства // Філософська думка. – 2001. – №5. – С.90-101.